

ФІЛОСОФІЯ, КУЛЬТУРОЛОГІЯ

УДК: 1(09)

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ «АНИЙЙА» В РАННЕМ И ЗРЕЛОМ АРАБОЯЗЫЧНОМ ПЕРИПАТЕТИЗМЕ

Ф.О. Нофал

*студент IV курса философского факультета заочного отделения,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел.: +38095–821–76–88; email: faresnofal@mail.ru*

В настоящей статье приводятся обзор и критика существующих в современном философском востоковедении интерпретаций категории «явленность» («аниййа») – классического понятия арабоязычного перипатетизма. Также автор пытается, на основании оригинальных текстов файласуфов Востока, прояснить место вышеуказанной категории в системе эссенциальных и экзистенциальных концептов арабо-мусульманской мысли.

Ключевые слова: арабоязычный перипатетизм, ал-Кинди, Ибн Хазм, ал-Фараби, Ибн Сина.

У запропонованій увазі читача статті наводяться огляд і критика існуючих в сучасному філософському сходознавстві інтерпретацій категорії «явленість» («аниййа») – класичного поняття арабоязичного перипатетизму. Також автор намагається, на підставі оригінальних текстів файласуфов Сходу, прояснити місце вищезгаданої категорії в системі есенціальних і екзистенціальних концептів арабо-мусульманської думки.

Ключові слова: арабоязичний перипатетизм, ал-Кінді, Ібн Хазм, ал-Фарабі, Ібн Сіна.

In the given article the author has considered the main interpretations of the category of “aniyya”, which exists in modern oriental sciences. The author of this work researches the connection between the above-mentioned concept and other essential and existential categories in the Arabic medieval thought.

Keywords: falsafah, al-Kindi, Ibn Hazm, al-Farabi, Ibn Sina.

Одной из наиболее дискуссионных тем в современном философском исламоведении остается вопрос о семантике и этимологии категории «аниййа», впервые разработанной представителями арабоязычного перипатетизма (*фалсафы*). Несмотря на редкое ее употребление «эллинизирующими» мыслителями арабской классики, именно она вот уже восьмое десятилетие волнует умы как востоковедов Запада, так и философов современного Востока в виду своей персоналистической, экзистенциальной семиотики. Собственно, пристальное внимание к вышеупомянутой категории появляется именно в лоне арабского экзистенциализма, а точнее – в классической работе ‘А.Бадави «Экзистенциальное время» (*«аз-Заман ал-вуджудийй»*). Так, впервые используя в тексте слово «аниййа», Бадави замечает: «Что касается термина «аниййа», то он имеет своим источником лексикон

мусульманских философов. В своих «Определениях» («*ат-Та'рифат*»), ал-Джурджани определяет его следующим образом: «Осуществленность воплощенного существования через самостное положение оного». Часто этот термин использовался в качестве оппозиции «чтойности» – иными словами, он эквивалентен «существованию», будучи противопоставленным «чтойности». Как мы увидели выше, в тексте 'Абу ал-Бараката, такова его семантика. То же самое мы находим в трудах других мыслителей – например, ат-Туси, писавшего в «Объяснении знаков» («*Шарх ал-Ишарат*»): «Время явлено по существованию и сокрыто по чтойности».

По всей видимости, само слово представляет собою точную кальку с древнегреческого «бытийного» глагола εἶναι. Вместе с тем, некоторые арабские авторы пытаются вывести его из арабских корней; так поступает и 'Абу ал-Баракат в своих «Универсалиях» («*ал-Куллийят*»)...: «Глагол «*ин-на*», переданный через *касру* и *шадду* в арабском языке подчеркивает силу существования, его утверждение; поэтому *фаласифа* используют его для указания на Необходимо-Сущее, силу и утвержденность Его существования». Но это слово - нововведение в арабском языке». Заметим, что мыслитель выводит наш термин из глагола «*ин-на*», фиксируя его как «*иниййа*», тогда как зачастую он пишется как «*аниййа*», что фонетически ближе к греческому оригиналу. Все это выглядит несправедливой электикой со стороны 'Абу ал-Бараката – конечно, если он не подразумевал другое слова в своем трактате.

Как отметил доктор Таха Хусейн, термин «*аниййа*» можно использовать для перевода немецкого слова Dasein, которое не раз будет приведено ниже; такой шаг оправдан вышеупомянутым определением ал-Джурджани – «*аниййа*» представляется нам достаточно точным переводом слова, непокорного европейским языкам... Греческий источник термина эквивалентен немецкому слову Sein, обозначающему абсолютное бытие – как «это-бытие», так и «бытие чтойности» [3: 5].

Читателя, знакомого с фундаментальными трудами пионера арабского экзистенциализма по истории европейской и арабо-мусульманской мысли, не может не удивить нехарактерное для методологии Бадави отсутствие хоть сколько-нибудь убедительной аргументации у приведенного выше тезиса, весьма спорного в самой своей сути [7]. Неудивительно, что спустя пять лет после выхода в свет «Экзистенциального времени», выдающийся философ Египта М. 'Абу Риды подготавливает к печати критическое издание трактатов ал-Кинди, на полях которого и полемизирует со своим известным коллегой и соотечественником. По мнению 'Абу Риды, безапелляционность Бадави относительно этимологии слова «*аниййа*»¹ выглядит более чем сомнительно, особенно в свете «малочастотного употребления термина арабскими философами» [6: 1:98]; более того, «обилие исконно арабских терминов, так или иначе описывающих существование, избавляет *фаласифа* от необходимости заимствования тех или иных древнегреческих слов» [6: 1:99]. Вместе с тем, как верно отмечает сирийский исследователь Б. 'Ала' ад-Дин, сам 'Абу Риды решительно отвергал «темпоральную» трактовку генезиса и эволюции «*аниййа*», обусловленную фонетической близостью слова к понятию «*ан*»

¹ В настоящей работе мы используем именно такую транскрипцию термина ввиду распространенности фонетической формы «*аниййа*» как в историко-философской литературе, так и в современных изданиях многих классических арабских трактатов. Тем не менее, необходимо отметить, что некоторые версии, касающиеся этимологии термина (равно как и сама консонантная основа слова) предполагают другие варианты его огласования (*аниййа*, *иниййа*).

– «момент времени» [1]; вместо этого историк интерпретирует «*аниййа*» как указание на «существующую вещь» [6: 1:215].

В своем обзоре М. 'Абу Рида приводит мнения востоковедов – и, в частности, А. Гуашон – касательно связи категории «*аниййа*» с древнегреческим обозначением сущего «*ὄν*» [16: 8–11]; от этой точки зрения отходит С. Ван ден Берг, трактующий арабский термин как «факт бытия предмета (*τὸ ὄν*)» со ссылкой на лексикон Стагирита [17]. Оригинальной выглядит попытка Г. Дайбера увязать термин «*аниййа*» с суфийским персонализмом [15: 108]². При этом во всех работах, затрагивающих данную проблему, читатель не найдет подробного анализа текстов-первоисточников, оперирующих указанной выше категорией. Ниже мы попытаемся вернуться к некоторым трудам арабских перипатетиков, могущим пролить свет как на семантику, так и на этимологию понятия «*аниййа*».

Первую серьезную проработку нашей категории мы находим в трактатах 'Абу Йусуфа Йа'куба б. Исхака ал-Кинди (ум. 256/873). В «Послании о первой философии» («*Рисала фи ал-фалсафа ал-'ула*») первый *файласуф* пишет: «Причина существования (*вуджуд*) и утвержденности (*сабат*) всякой вещи – [е] суть (*хакк*); ибо все, что обладает явленностью (*аниййа*), обладает и сутью» [6: 1:97]. Как явствует из логики текста, «*аниййа*» определенным образом соотносится с существованием вещи и предшествующей ее бытию утвержденностью [8: 3: 678-679; 9: 36,81]; однако прямое отождествление «существования» с «явленностью» и противопоставление их «сущности», к которому прибегали многие исследователи наследия 'Абу Йусуфа [14: 63], является, на наш взгляд, серьезной ошибкой. Служа ответом на вопрос «Разве?» (*халл*) [6: 1:101], «*аниййа*» представляет собой предельный метафизический предикат всякого феномена, всякой вещи: к примеру, «явленностью» в равной степени обладают как Первопричина [6: 1:215], так и движение (*харака*) с его «мерой» (*'адад*) – временем (*заман*) [6: 1:205]. Необходимость разграничения вечного и тварного приводит философа к выделению «конечной» и «бесконечной», или «истинной» явленности: коррелируя между собой, время, явленность и движение не могут опережать друг друга в подлунном мире, тогда как «чистой явленностью» ал-Кинди называет одного только Бога [6: 1:117].

В своем «Ответе *файласуфу* ал-Кинди» («*ар-Радд 'ала ал-Кинди ал-файласуфу*»), Ибн Хазм ал-Андалуси (ум. 456/1064) выделяет несколько отрывков из «Первой философии» 'Абу Йусуфа, на его взгляд, неверно интерпретирующих онтологическое значение «*аниййа*». К примеру, фраза ал-Кинди о «первопричинности явленности для всех ее – явленности – действий» представляется Ибн Хазму в корне ошибочной: «Самость (*зат*) совершает те или иные действия. Но до этого она обладает [предельным] единством, в котором не присутствует причина [деяния] (*'илла*). Здесь-то и кроется противоречие [между речением ал-Кинди и действительностью]» [2: 4:376]. Также, как замечает философ Андалусии, наличие причины в «явленности», продуцирующей не-необходимые деяния, свидетельствует о присутствии предельного основания процесса в некоей части единой, неделимой самости, при метафизическом «бессилии» или «небытии» других частей, что невозможно *a priori* [2: 4:377; ср. с критикой Ибн Хазмом естественно-детерминистской теории смыслов Му'аммара б. 'Аббада (ум. 215/830-831): 10: 60-78]. Очевидно, что уже в этих отрывках Ибн Хазм определяет

² «*Аниййа* – это человеческое Я, находящееся между сущностью и существованием».

«причину» ал-Кинди как следствие деятельности «явленности», критикуя саму идею естественного детерминизма; однако какую дефиницию мыслитель дает собственно термину «*аниййа*»? Очерчивая свой, общий с ал-Кинди, онтологический тезаурус, Ибн Хазм отмечает, что «явленность и самость суть самая вещь (*аш-шай' би-'айнихи*)» [2: 4:389]. Именно эта фраза философа позволяет нам снять противоречие, отмеченное многими исследователями наследия 'Абу Йусуфа: так, ал-Кинди, с одной стороны, используя в некоторых своих текстах категории «оность» (*хувиййа*), «существование», «явленность», «бытие» в качестве взаимозаменяемых, с другой, подобно ал-Фараби (ум. 339/950) и Ибн Сине (ум. 427/1037), проводил грань между сущностью и существованием [14: 63–71]. Для ал-Кинди «явленность» становится процессуальным эквивалентом «вещи», предстающей перед перцепцией субъекта познания в неразрывном единстве бытия и самости – а, следовательно, и первым действующим субъектом миров трансцендентных и имманентных процессов.

Что касается трактатов 'Абу Насра Мухаммада ал-Фараби, то единственное обстоятельное обращение к термину «аниййа» мы находим в его «Книге букв» («*Китаб ал-хуруф*»). В частности, «Второй учитель» пишет: «Глагол *ин-на* означает утвержденность (*сабат*), непреходящесть (*давам*), совершенство (*камал*) и закрепленность (*васака*) в существовании и знании ('*илм*) о вещи... В греческом языке также есть слова «*ун*» и «*уон*», передающие крепость и подчеркивающее утвержденность вещи – но второе слово, упоминаемое при разговоре о Боге, сильнее передает этот смысл... Потому-то философы и называют совершенное существование (*вуджуд камил*) вещи [словом] «явленность», тождественным ее «чтойности» (*махиййа*). Они говорят: «Какова явленность вещи?», – то есть: «Каково ее совершенное существование?», – подразумевая ее чтойность» [12: 61].

Уточняя семантическое значение слова «аниййа», ал-Фараби следует концепции ал-Кинди, вписывая ее в свою метафизическую систему. Чтойность, по 'Абу Насру, объединяет в себе все предикаты, что делают ту или иную вещь самой собой [12: 106-110]; вместе с тем, чтойность не может содержать в себе существование в качестве атрибута [13: 42]: будучи «первичным понятием» (*масаввур 'аввал*) [11: 245], существование является необходимым (*лазим*) для самостей, но не их внутренним основанием (*мукаввим*). Различные восточным перипатетиком чтойность и существование могут объединиться лишь в воплощенной сущности – явленности, служащей конечным «осуществлением» (*тахаккук*) существования в актуально бытийствующем сущем. Сущее скреплено процессом перехода из потенциального состояния в актуальное, имеющим началом emanацию Необходимо-Сущего, чтойность Которого тождественна чистой Его явленности [11: 263-264].

Не менее ригористично отделяет «явленность» от простого «существования» «Главный шейх» 'Абу 'Али Ибн Сина. В своей знаменитой «Теологии» («*ал-'Илахиййат*») Авиценна отмечал: «Чтойность Необходимо-Сущего состоит в том, что Оно – Необходимо-Сущее; и это – явленность; и скажем: явленность и существование равно могут возникать во чтойности» [4: 180]. В то время как осуществленность Первоначала в бытии заключена в самом бытии, все остальные «явленности» нуждаются в причине (*ма'лун*), соединяющей воедино чтойность и существование [4: 181]. Тем не менее, как следует из вышеприведенного отрывка, «явленность» и «существование» противопоставлены «чтойности» как привходящие в последнюю атрибуты – а потому «чтойность» объявляется перипатетиком «чем-то внешним, относительно явленности-основы становления [чтойности]» ('*амр*

мукаввим)» [4: 181]. В качестве этимологического корня термина Ибн Сина, так же, как и ал-Фараби, выдвигает глагол «ин-на» – к примеру, Бог выступает у него как «Явленный (ин-н-ун) и Суший» [5: 205].

Подводя итоги нашему беглому обзору, необходимо остановиться на «экзистенциальной» коннотации нашей категории. Как мы убедились выше, термин «аниййа» прямым образом не указывает ни на сущность вещи, ни на ее существование: соотношенная с бытийными понятиями и, как правило, разведенная с сущностными, категория «явленности» играет ключевую роль уже в метафизике трансцендентного – то есть области чистого, избавленного от всякой чтойности, бытия. Самоочевидность единичного бытия влечет за собой необходимость воплощенности всякого сущего, располагающего, помимо дарованного Первоначалом существования, чтойностью – предельной, «партикуляризационной» реализацией существования. Таким образом, «явленность» действительно служит указанием на *это-, здесь-существование sui generis*, проявляющееся в различном, живом единстве эссенции и экзистенции. Близость термина «аниййа» к понятиям «воплощение» (*та'аййун*) и «наличие» (*хусул*) с одной стороны, и к концептам раннего экзистенциализма – с другой обусловила его популярность в среде арабских мыслителей и историков философии во второй половине XX в., применявших современные им семиотические схемы для интерпретации классической категории арабоязычного перипатетизма и «перипатетирующего» калама IX – XII вв.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. 'Ала' ад-Дин Б. Аниййа / Б. 'Ала' ад-Дин // ал-Мавсу'а ал-'арабиййа –Режим доступа:<http://www.arabency.com/ar/%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%AD%D9%88%D8%AB/%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%86%D9%91%D9%8A%D8%A9>
2. Ал-Андулуси, Ибн Хазм. Ар-Раса'ил. – В 4-х тт. – Бейрут, 1983. – 1604 с.
3. Бадави 'А. Аз-Заман ал-вуджудий / Бадави 'А. - Бейрут, 1973. – 276 с.
4. Ибн Сина. Ал-'Илахиййат мин Китаб аш-шифа' / Ибн Сина, 'Абу 'Али. – Бейрут, 1991. – 508 с.
5. Ибн Сина. Китаб ан-наджат / Ибн Сина, 'Абу 'Али. – Бейрут, 1991. – 406 с.
6. Ал-Кинди, 'Абу Йусуф Йа'куб. Ар-Раса'ил ал-фалсафиййа / ал-Кинди, 'Абу Йусуф. – В 2-х тт. – Каир, 1950. – 295 с.
7. Кулиева С. Шейх философов Абдурахман Бадави и проблемы истории философии / С. Кулиева. – Баку, 2003. – 186 с.
8. Новая философская энциклопедия / Ин-т философии Российской акад. наук; Гл. ред. В.С.Степин. — В 4-х тт.; 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 2010. – 2086 с.
9. Нофал Ф. Ибрахим ибн Саййар ан-Наззам / Ф.Нофал. – М., 2015. – 152 с.
10. Нофал Ф. Му'аммар б. 'Аббад ас-Сулами ва ара'у-ху ал-каламиййа ал-фалсафиййа / Ф. Нофал. – Бейрут: Дар ал-Фараби, 2015. – 120 с.
11. Ас-Самара ал-мурдиййа фи ба'д ар-рисалат ал-фарабиййа / ал-Фараби, 'Абу Наср. – Бейрут, 2012. – 350 с.
12. Ал-Фараби, 'Абу Наср. Китаб ал-хуруф. – Бейрут, 1990. – 278 с.
13. Ал-Фараби, 'Абу Наср. Ат-Та'ликат. – Бейрут, 1988. – 126 с.
14. Adamson P. Al-Kindi / P. Adamson. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. – 290 p.
15. Daiber H. Bibliography of Islamic Philosophy: Index of names, terms and topics. Vol. 2 / H. Daiber. – Leiden: Brill, 1999. – 548 p.

16. Goichon A.M. Lexique de la Langue Philosophique D'ibn Sina. –Paris, 1938. – 496 p.
17. Van den Bergh S. Anniyya / S. Van den Bergh // Encyclopaedia of Islam. Leiden: Brill, 1986. Vol. 1. – Pp. 513–514.

*Рекомендовано до друку д.філос.н., проф. каф-ри всесвітньої філософії та естетики
Східноукраїнського національного університету імені Даля В.М. Шелюто
Стаття надійшла до редакції 24.12.2015*

УДК 821.161.2-(043.3)

ІСТОРІОСОФСЬКА КОНЦЕПЦІЯ РОМАНУ П. КУЛІША «ЧОРНА РАДА»

О.В. Олійниченко

*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Тел: +38098–287–05–72; email: e.v.olinych@gmail.com*

В статті розглядаються поняття «історіософія» та «філософія історії», визначаються особливості української історіософії XIX століття. Аналізуються різні погляди на історіософію українського письменника П.Куліша. Враховуючи національні особливості, характеризується історіософська концепція автора в першому українському історичному романі «Чорна рада».

Ключові слова: історіософія, філософія історії, національна ідея, художня концепція, історичний процес.

В статье рассматриваются понятия «историософия» и «философия истории», определяются особенности украинской историософии XIX столетия. Анализируются разные взгляды на историософию украинского писателя П. Кулиша. Принимая во внимание национальные особенности, характеризуется историософская концепция автора в первом украинском историческом романе «Черная рада».

Ключевые слова: историософия, философия истории, национальная идея, художественная концепция, исторический процесс.

The article highlights the terms «historiosophy» and «philosophy of history», defines the peculiarities of XIXth century Ukrainian historiosophy. It analyses different viewpoints on the historiosophy of the Ukrainian writer P.Kulish. Taking into consideration national peculiarities, we characterize historiosophical conception of the first Ukrainian historical novel «The Black Council».

Keywords: historiosophy, philosophy of history, national idea, artistic conception, historical process.

Термін «історіософія» в сучасній науці є одним з найбільш уживаних дефініцій в той час, коли не завершено його теоретичне осмислення. Це поняття широко